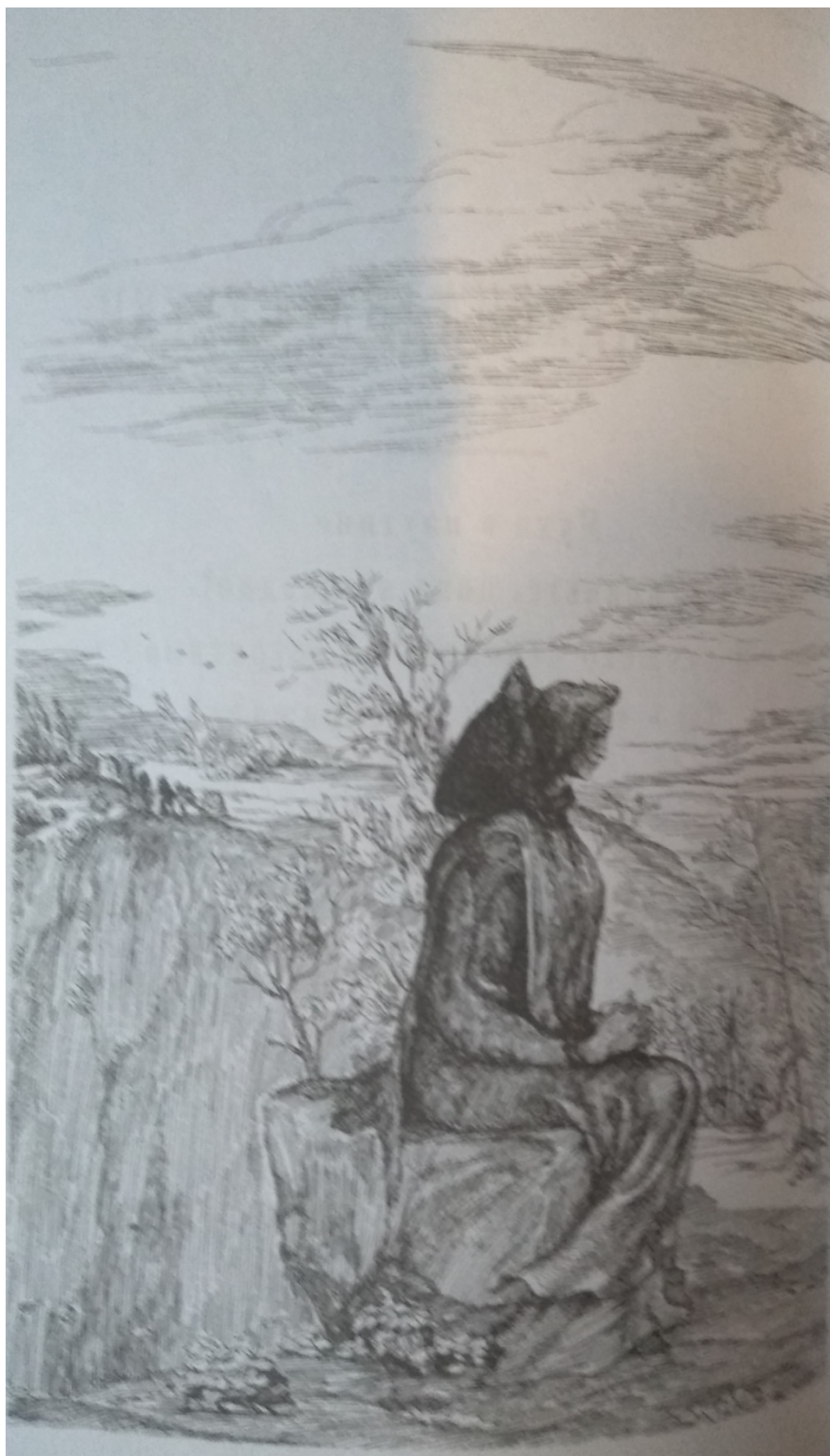

Příloha – výchozí text

Марине Цветаевой было бы сейчас уже за сто...
Немыслимо, невозможно себе представить. Прежде всего и
навсегда этот поэт – нежность, страсть, любовь – без возраста.

Цветаева – вечный упрек людям: как вы могли т а к
жить, рядом с ней? И не помогли, не удержали на земле,
лишили и самой нищенской доли. Подтвердили горькую
истину: чем больший дар несет художник, тем более черной
неблагодарностью современники ему платят. Губили кра-
соту – себя губили. А поэты все равно отвечали своим эхом,
в рифму – «любили».

Поэта без легенды не бывает, но и без реальной челове-
ческой судьбы тоже. И эта «реальная» Цветаева по-прежнему
загадочна и неуловима. Часть ее архива – не случайно – была
закрыта дочерью Ариадной до 2000 года.

В темных недрах НКВД, лубяньских архивах, отпечата-
лись следы ее судьбы, обнаруживаются материалы о самой
мрачной – последней – поре ее жизни. Некоторые из них уже
увидели свет, стали достоянием читателя. Но многое все еще
остается в тени. Открытие Цветаевой продолжается.

В июне 1939 года она вместе с четырнадцатилетним
сыном Георгием (Муром) вернулась из эмиграции. Родина
встретила ее мачехой – не как поэта и полноправную, закон-

ную гражданку, а как подозрительную белогвардейку, жену провалившегося в Париже советского агента.

У человека несколько ступеней на пути к правде, и первая – обычно отрицание, нежелание верить. Цветаева – жена чекиста?! Когда-то слухи об этом вызвали резкий протест, отторжение – немыслимо: Маринин Сережа Эфрон, лебедь из белой стаи – советский шпион! Теперь это знают все. А Марина? Когда узнала она?

Муж и дочь Ариадна приехали в Москву двумя годами раньше, теперь вся семья была в сборе. Ненадолго – чуть больше двух месяцев подарила им судьба до катастрофы. Приближение ее Цветаева предчувствовала – недаром ее называли «колдуньей»: еще когда очутилась на пароходе, увозившем ее в Россию, сказала: «Теперь я погибла».

И первая весть на родной земле – обухом: сестра Анастасия в концлагере¹.

Сразу после приезда отправились в Болшево, на дачу НКВД, которая была выделена под жилье переправленным из Парижа после провала агентам – Эфрону и супругам Клепининым.

Семнадцать лет назад, когда Марина уезжала в эмиграцию, в одном купе с ней оказалась дама из ЧК. Уезжала с чекисткой – и вернулась к чекистам и жить стала в казенном доме. Пришлось таить свое присутствие, жить инкогнито, остерегаться каждого действия и слова, чтобы не повредить близким. Спустя год, в дневнике, Цветаева вспомнит об этих днях так – пунктиром, отрывками:

«...Неуют. За керосином. С. покупает яблоки. Постепенное щемление сердца...»

«Живу без бумаг, никому не показываясь...»

¹ Цветаева А.И. (1894–1993) – писательница, мемуаристка. Провела в лагерях и ссылках 22 года, ее сын Андрей Борисович – 16 лет.

«Мое одиночество. Посуда, вода и слезы. Обертон –
увертон всего – жуть...»

«Болезнь С. Страх его сердечного страха. Обрывки его
жизни без меня – не успеваю слушать: полны руки дела, слу-
шаю на пружине. Погреб: 100 раз в день. Когда – писать?...»

«Безумная жара, которой не замечаю: ручьи пота и слез
в посудный таз. Не за кого держаться. Начинаю понимать,
что С. бессилен, во всем...»

А в августе начались события, о которых Цветаева ска-
жет: «Разворачиваю рану, живое мясо. Короче:) 27-го в ночь
отъезд Али. Аля – веселая, держится браво. Отшучивается...
Уходит, не прощаясь! Я – что же ты, Аля, так ни с кем не
простившись? Она, в слезах, через плечо – отмахивается!
Комендант (старик с добротой) – Т а к – лучше. Долгие про-
воды – лишние слезы».

Муха в паутине

Уже рассвело, когда черная «эмка» увозила ее, она огля-
нулась и увидела сквозь слезы: крыльцо и тесно сбившихся
на нем родных, растерянных, бледных, – машут руками.
Успокаивала себя – пройдет несколько дней, и разберутся,
отпустят. Не могла и подумать, что прощается навсегда.

Петлю на этот дом накинули давно и вот начали
стягивать.

Двадцатисемилетняя журналистка и художница, вос-
торженная сторонница советской власти, приехавшая из
Парижа, чтобы вместе со своим народом строить социализм,
была объявлена французской шпионкой. Показания на нее
дал ее давний знакомый, журналист Павел Толстой, аресто-
ванный чуть раньше: «Я был связан по шпионской работе с
Эфрон Ариадной Сергеевной, сотрудницей журнала “Ревю
де Моску”...»

Первый, пробный допрос, проведенный старшим следователем лейтенантом Кузьминовым, не дал ничего – все обвинения Ариадна отвергла. Неделю ее не трогали, а потом взяли в оборот.

О том, что происходило на Лубянке, сама Ариадна скажет только через пятнадцать с лишним лет в своих заявлениях властям (они тоже сохранились в деле):

Когда я была арестована, следствие потребовало от меня: 1) признания, что я являюсь агентом французской разведки, 2) признания, что моему отцу об этом известно, 3) признания в том, что мне известно со слов отца о его принадлежности к французской разведке, причем избивать меня начали с первого же допроса.

Допросы велись круглосуточно, конвейером, спать не давали, держали в карцере босиком, раздетую, избивали резиновыми «дамскими вопросниками», угрожали расстрелом и т.д.

В другом заявлении она добавляет: не только угрожали, но и проводили инсценировки расстрела. На все просьбы предъявить хоть какие-нибудь доказательства ее вины, дать очную ставку со свидетелями преступления следовала брань. Если сам нарком, товарищ Берия¹, интересуется твоим делом и подписал постановление на арест – никакой надежды для тебя нет, выход один: признать себя виновной.

В документах следствия вся эта подноготная суть, конечно, скрыта. Но по всему видно, что на первых порах Ариадна держалась стойко – допросы в течение семи дней, иногда по восемь часов подряд, закончились без результата. Тогда-то к ней и применили более сильные меры – посадили в

¹ Берия Л.П. (1899–1953) в 1938–1945 годах нарком внутренних дел СССР, в марте–июне 1953-го – министр внутренних дел. Расстрелян.

карцер, инсценировали расстрел. Потом, измученную, снова привели к следователям, дали бумагу и приказали: не хочешь говорить – пиши!

И она пишет, подробно, чистосердечно рассказывает о себе, с самого детства, о матери, об отце, об их тяжелой, нищенской жизни в эмиграции:

С 1925 по 1929 г. мать продолжала сотрудничать в эмигрантских изданиях и более или менее регулярно зарабатывала литературным трудом. Однако с 1929 года ее положение начало становиться все более трудным. За все свое пребывание за границей она не примкнула ни к одной политической группировке и вообще не принимала участия в политической жизни эмиграции. В последний приезд Владимира Маяковского в Париж она, по просьбе редколлегии «Евразии», выступила в этой газете с приветствием Маяковскому. Это ее выступление вызвало возмущение в эмигрантских кругах, и печатать ее стали неохотно...

После закрытия «Евразии» нам некоторое время жилось материально очень трудно. Отец время от времени получал случайную работу (был одно время статистом в кино), мать зарабатывала тоже нерегулярно, я прирабатывала на дому вязанием.

1931 год. Сергей Эфрон опасно заболевает – это уже третье возобновление туберкулезного процесса. Настроение в доме тяжелое.

Однажды Ариадна с отцом остались дома вдвоем. Он лежал на постели, ему было плохо. Попросил дочь сесть рядом на кровать, обнял, погладил по голове и вдруг расплакался.

Собственноручные показания
обвиняемой Эфрон Ариадны
Сергеевны

Я родилась в Москве в
1913 году. Мои родители - Эфрон
Сергей Львович и Цветаева Марина
Ивановна (приблизительно 1894-95 года
рождения) были до революции - отцы
- студентами, мать - поэтессой. Об их инту-
итивном поведении знаю очень мало,
только, что жили мы хорошо, и ведать
по деньгам оставались от родителей
отца и матери. Только, что отец не
работал, когда я была маленькая, а
учился. Жили мы в квартире, а-учо-
снимали в Борисовском переулке в
Москве, (возле Арбата.)

После Октябрьской революции отец
участвовал в Белом движении. Знаю,
что у него был офицерский сын,
наш - не знаю. Мы с матерью отца

Собственноручные показания А.С. Эфрон
Сентябрь 1939 года

Я очень испугалась, — вспоминает в показаниях Ариадна, — и начала плакать тоже... Он сказал: «Я порчу жизнь тебе и маме». Я решила, что он мучается тем, что нам живется трудно материально и что он не может этому помочь, и стала утешать его и говорить, что живется нам совсем не хуже, чем другим, и что материальное положение наше хотя и тяжелое, но не до такой степени, чтоб придти из-за него в отчаяние.

Тогда папа сказал: «Ты еще маленькая, ты ничего не знаешь и не понимаешь. Не дай тебе Бог испытать когда-нибудь столько горя, как мне». Я ему на это сказала, что горя, конечно, было немало, но что, наверное, потом будет легче и все тяжелое пройдет. Папа сказал мне, что для него жизнь может пойти только хуже и труднее, чем было раньше. Я думала, что весь этот разговор был связан с заболеванием отца, и сказала, что когда он поправится и сможет работать, то все, несомненно, пойдет лучше. Тогда папа опять повторил о том, что я маленькая и ничего не знаю, о том, что он боится, что погубил жизнь своей семьи, и прибавил: «Ты ведь не знаешь и не можешь знать, как мне тяжело, я запутался, как муха в паутине, и пути мне нет».

Потом сказал мне, что я должна учиться и работать, стараться пробить себе дорогу в жизнь, стать настоящим человеком, что я слишком пассивна и недостаточно думаю о своем будущем, о своей жизни. Потом прибавил: «А не лучше ли было бы, если бы я оставил вас и жил бы один?» Это меня испугало, и я сказала, что ни в коем случае он не должен делать этого, что мы одна семья и что нам вместе легче все переносить. Тогда он спросил, люблю ли я его. Я сказала, что, конечно, да. Он задумался и прибавил: «И твоя мать очень любит меня, и мы с ней много прожили. Я не знаю, что мне делать с собой и со всеми вами». После этого он попросил не рассказывать об этом разговоре

матери, чтобы не волновать ее, я обещала и действительно не рассказывала.

Вскоре Эфрон уехал лечиться в Савойю, в пансион «Chateau d'Arcine», близ швейцарской границы. Ариадна навестила его и с месяц прожила там. Он по-прежнему был в депрессии, несколько раз порывался начать с ней какой-то серьезный разговор – как она поняла, об уходе из семьи, разводе с матерью, что ей было совершенно непонятно: ведь отец с матерью всегда жили в согласии и дружбе и очень любили друг друга.

Но в Париж Сергей Яковлевич вернулся окрепший и бодрый. Казалось, все его душевные терзания отступили вместе с болезнью, он перешел какой-то важный рубеж – да и внешне жизнь его круто изменилась.

Постепенно мне становилось все более и более очевидным, – пишет Ариадна, – что отец, а также его товарищи по евразийской группе¹ ведут какую-то секретную работу. Отец стал часто отлучаться из дому, а иногда уезжал на несколько дней. Определенной работы у него, равно как и у его товарищей, не было, однако люди как-то продолжали существовать. В доме появились советские газеты, журналы, беседы между отцом и его товарищами велись на советские темы. Антисоветские выступления белоэмигрантской прессы подвергались в моем присутствии неоднократной резкой критике.

Поведение этих людей, разговоры неоднократно наводили меня на мысль, что они ведут большую работу для Советского Союза. Со временем я смогла определить, кто из них на каком участке работает, кто с кем связан, а также

¹ Евразийство – философско-политическое движение русской эмиграции в 1920–1930-е годы. Его сторонники отводили России как особому этнографическому миру «срединное место» между Европой и Азией.

как кто относится друг к другу. Таким образом, я узнала, что часть этих людей связана с французскими кругами, часть — с белоэмигрантскими. Про отца мне стало известно, что он ведет руководящую работу в Союзе возвращения на Родину, а потом, что эта его явная работа служит лишь прикрытием для работы секретного порядка. Я неоднократно обращалась к отцу с просьбой привлечь меня к своей работе, но он каждый раз либо отводил разговор, либо отвечал мне отказом, мотивируя это тем, что работа очень опасная, что я слишком молода, что работать так, как работает он, — значит всегда рисковать жизнью...

Лично моя жизнь в этот период складывалась очень неудачно... Дома тоже не ладилось, возникали споры и трения между мной и матерью... Через некоторое время мне удалось через знакомых найти работу медсестрой в зубоврачебном кабинете. На почве этой работы мы окончательно поссорились с матерью. Она была решительно против того, чтобы я поступила на работу, ей была постоянно нужна моя помощь дома, и она сказала, чтобы я выбирала: или жизнь дома, или работа. «Но если выберешь работу, то между нами все кончено». Я выбрала работу. Работа была трудная, совсем не по специальности, первое время только училась там, на месте, денег никаких не получала, работала часов по двенадцать в сутки, из дома уходила рано, возвращалась поздно, ссоры и споры с матерью продолжались...

Этот период моей жизни в эмиграции был для меня самым тяжелым. Моя попытка самостоятельно работать окончилась плачевно... Хозяин, проэксплуатировав меня некоторое время, воспользовался моей болезнью, чтобы выставить меня на улицу. «Возвращаться» домой (хотя фактически из дома я не уходила и все это время продолжала жить в семье), признаться самой себе и другим в том, что мать была права, я не хотела. Мне было уже

около 20–21 года, а я оказывалась неспособной жить самостоятельно и зарабатывать если не на семью, то хоть на себя самую...

Выхода я себе не видела и решила умереть. Написала классическую записку ко всем вместе и никому в отдельности и, воспользовавшись отсутствием домашних, открыла на кухне газ. Но домой случайно вернулся отец, которого я не ждала, выволок меня из кухни в полубессознательном состоянии, привел меня в чувство, и тут у нас произошел разговор...

Отец мне сказал, что то, что я чуть не сделала, глупо и могло бы быть непоправимым, что стыдно в моем возрасте, когда все впереди, считать, что жизнь кончена. Потом сказал, что его жизнь гораздо тяжелей, чем моя, что он, однако, живет. И что если уж у кого и должны быть причины желать смерти, то у него, а никак не у меня. Я ему ответила, что ему жаловаться нечего, что он живет, как он хочет, ведет большую работу на свою страну, а что мне он в этой работе отказывает, что у меня нет даже этого...

Но не для того следователи дали в руки Ариадны перо, чтобы она делилась с ними своими переживаниями. Им было нужно совсем другое. И вот в ее показаниях появляются туманные, сбивчивые, явно надуманные места:

Во время этой беседы, которая продолжалась довольно долго, отец мне сказал, что его положение тяжело и безвыходно тем, что в СССР он лично никогда вернуться не сможет. На мой вопрос, загладил ли он свои прежние проступки против Советской власти всей своей работой на Советский Союз, он мне ответил, что своих проступков он загладить не может, что он запутался так, что выбраться ему невозможно, и что в своих действиях он неволен, что именно поэтому он отказывал мне неоднократно в моей просьбе

принят
я попро
работал
силой и
находит
СССР, он
так как
Советск

То
один пу
в Совет
том, чт
серьезно
шедшем
обстоят
подвергн
сказал, ч
и что бо
для меня

При
советски
ния на Р
ставляла
«впослед
с отцом,
ками, я р
«Однажды
сыном Тр

¹ Сед
участник тр
экции». Уме
а Париже, о
агентами в б
лез около го

принять участие в его работе на Советский Союз. Когда я попросила его уточнить, он сказал мне, что вынужден работать не только на СССР, что принужден он к этому силой и что выйти из этого положения он не может, что он находится в крепких руках. На кого он работает, помимо СССР, он мне не сообщил. Это известие меня очень поразило, так как я всегда считала, что отец работает только на Советский Союз.

Тогда отец сказал мне, что для меня есть только один путь, единственно правильный, а именно – вернуться в Советский Союз, начать там новую жизнь, забыть о том, что у меня было, работать только по специальности, серьезно, не разбрасываясь. Что я должна забыть о прошедшем сегодня разговоре и никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не говорить об этом. Я спросила его, не подвергнусь ли я опасности, если вернусь в СССР. Но он мне сказал, что нет, что он известен как советский работник... и что бояться мне нечего, что единственное... чего он хочет для меня, – это счастья и покоя.

При этом разговоре отец пообещал достать Ариадне советский паспорт и посоветовал вступить в Союз возвращения на Родину, что она вскоре и сделала. Она почти не представляла себе, в чем состоит секретная работа ее отца, однако «впоследствии обнаружилось, что часть людей, связанных с отцом, в свою очередь, связана с иностранными разведками, я решила, что и у отца то же самое и что “так надо”...» «Однажды мне удалось обнаружить, что велась слежка за сыном Троцкого – Седовым¹, и уже незадолго до моего отъ-

¹ Седов Л.Л. (1906–1938) – старший сын Л. Троцкого. Активный участник троцкистского движения, редактор-издатель «Бюллетеня оппозиции». Умер после операции по поводу аппендицита в русской клинике в Париже, однако многие считают, что Седов был либо убит сталинскими агентами в больнице, либо отравлен ими раньше (до операции он уже болел около года).

езда в СССР – о том, что посылаются люди в Испанию. Это последнее дело, ввиду его большого масштаба, очевидно, было трудно конспирировать соответствующим образом».

Отец выполнил обещание: Ариадна получила советский паспорт и в 1937-м смогла вернуться на родину. Перед отъездом отец сказал ей, что он мечтает отправить вслед за ней и ее младшего брата, если удастся договориться об этом с мамой, но что они сами, он и Марина, наверное, останутся в Париже.

Не прошло и года, как вдруг Сергей Эфрон с группой его товарищей по секретной работе появился в Москве. Свой приезд он объяснил дочери провалом одного очень крупного дела, в результате чего они бежали, а ряд лиц был задержан французской полицией.

«Крупное дело» – это убийство советского разведчика Игнатия Рейсса (Порецкого), перебежавшего на Запад и заявившего открыто в печати о своем разрыве со сталинским режимом. Именно из-за провала агентуры после этого убийства Эфрону и пришлось спешно покинуть Францию.

Несмотря на весь «комплекс мер», пытки – физические и моральные, – следствие не получило от Ариадны никаких конкретных показаний об ее антисоветской деятельности. Шпионаж же ее отца, конечно, налицо – но какой! – в пользу Советского Союза! Смутные фразы о работе «на других» еще не доказательство.

Ничего подозрительного в поведении своего отца на Родине Ариадна не замечала. Больше того, он был единственным из всей сбежавшей из Парижа «группы провала», кто досконально исполнял все распоряжения о конспирации, и даже тогда, когда для этого не было повода: не встречался ни с кем из своих прежних знакомых, а с коллегами по секретной работе – только с разрешения НКВД.

27 сентября разъяренный Кузьминов и его подручный, младший лейтенант А.И. Иванов, тащат Ариадну на решающий допрос. Сколько он продолжался, в протоколе не указано. Что на самом деле говорила своим палачам измученная Ариадна, мы тоже никогда не узнаем – перед нами только состряпанная следователями бумага, под которой ее вынудили подписаться. Ясно, что черновиком для протокола послужили ее собственноручные показания, «творчески» переработанные и дополненные тенденциозными формулировками и обвинениями.

При этом следователи сделали попытку втянуть в преступную цепочку отец–дочь и Марину:

Вопрос. Только ли желание жить вместе с мужем побудило вашу мать выехать за границу?

Ответ. Конечно, нет, моя мать, как и отец, враждебно встретила приход Советской власти и не считала для себя возможным примириться с ее существованием...

Вопрос. Состояли ли ваши родители в белоэмигрантских организациях, враждебных СССР?

Ответ. Да, моя мать принимала активное участие в издававшемся за границей журнале «Воля России», помещая на страницах этого журнала свои стихи.

Вот все, что удалось выжать из Ариадны о преступлениях ее матери.

– А теперь покажите, какие мотивы побудили вас вернуться в СССР.

– Я решила вернуться на родину, – отвечает Ариадна. – Я не преследовала цели вести работу против СССР...

Это ее последний правдивый ответ на допросе. Мы можем только представить себе, что за ним последовало. Но

далее в протоколе идет фраза, которой столько добивались следователи:

«Я признаю себя виновной в том, что с декабря месяца 1936 г. являюсь агентом французской разведки, от которой имела задание вести в СССР шпионскую работу».

Наконец-то! Признание было вырвано, следователи могли торжествовать: на полях протокола против этой ключевой фразы стоят ликующие восклицательные знаки.

И дальше следствие уже покатило в заданном направлении. Одна ложь потянула за собой другие. Сломленная пытками девушка больше не сопротивлялась – подписывала все, что от нее требовали. Ведь мало признать себя виновной, надо еще доказать это. Тут опять пошли в ход ее собственноручные показания.

В них Ариадна вспоминала о своем сотрудничестве в парижском журнале «Франция – СССР», дружбе с его редактором Полем Мерлем, который предложил ей перед отъездом в Советский Союз стать собственным корреспондентом журнала. Этот Поль Мерль должен был сразу показаться Лубянке лицом подозрительным.

– А вы не боитесь ехать? – спросил он Ариадну в последнюю встречу.

– Чего мне бояться?

– Ну вы же знаете о тех судебных процессах, которые происходят в Москве. Можно себе представить, с каким недоверием встретят там человека, прибывшего из-за границы. Я боюсь, вам там трудно будет устроиться. Кстати о процессах: отчего это все обвиняемые признались – вот что я не могу понять. Люди идейные, борцы, вдруг не только подтверждают свои преступления в суде, но и раскаиваются. Я не понимаю, что с ними всеми сделали на следствии. Если бы их били и мучили, то велики были бы шансы на то, что они разоблачили бы это во время суда. У нас говорят, что их загнипнотизиро-

вали, но это уж слишком глупо звучит. Неужели следствие велось таким образом, что обвиняемые искренне признались в своих преступлениях против советской власти?..

Как в воду глядел редактор, напутствуя неопытную сотрудницу! Теперь-то она уж смогла бы ответить ему. И счастье француза, что он жил в Париже. Ибо следствие велось «таким образом», что и он сам, не ведая того, стал преступником.

Протокол допроса Ариадны бесстрастно повествует:

Вопрос. Как вы были привлечены для шпионской работы в пользу французской разведки?

Ответ. К сотрудничеству с французской разведкой я была привлечена Полем Мерлем незадолго до моего отъезда в Советский Союз.

Вопрос. Кто такой Поль Мерль?

Ответ. Поль Мерль формально является редактором журнала «Франция – СССР»

Вопрос. А в действительности?

Ответ. А в действительности, хотя прямо он не говорил, мне стало ясно, что Мерль является резидентом французской разведки.

Вот так вербует французская разведка – не говоря, что она разведка. И вот что интересует французскую разведку: материалы об антисоветских настроениях, выдающихся работников советского искусства, театра и других прослойках советской интеллигенции, о жизни и работе отдельных заводов и колхозов... Никаких конкретных примеров шпионской деятельности Ариадны следователи, при всем их воображении, придумать не смогли. Да, видимо, и не пытались – зачем? По блестящей формуле советского правосудия, признание обвиняемого – царица доказательств!

Зато на том же допросе они получили подпись Ариадны под еще одним крайне важным для них показанием, возникшим в протоколе неожиданно, без всякого наводящего вопроса:

«Не желая скрывать чего-либо от следствия, я должна сообщить о том, что мой отец Эфрон Сергей Яковлевич, так же как и я, является агентом французской разведки...»

Доказательства? Снова берутся и препарируются в нужном духе ее собственноручные записи – сцены разговоров с отцом во время его болезни и когда он спас ее от газа. Лирику долой, остается фраза: «Отец ответил, что своих преступлений перед Советским Союзом он искупить никогда не сможет, что он работает не только на СССР, но и на других», – и получает в протоколе допроса такое продолжение:

В о п р о с . На кого именно он работает?

О т в е т . Отец не сказал, но для меня и без того ясно, что речь идет о французской разведке».

Опять, как и с Мерлем: не сказал ничего, но и без того ясно...

Истинную подоплеку истории сотрудничества с парижским редактором Ариадна раскрыла много лет спустя в заявлении Генеральному прокурору – оно подшито в той же папке следственного дела и, по существу, перечеркивает всю обвинительную его часть:

Под давлением следствия я была вынуждена оговорить себя и признать себя виновной в шпионской связи с французским журналистом Полем Мерлем... Несмотря на то что мои показания являлись сплошным вымыслом, они удовлетворили следственные органы, что явилось лишним доказательством того, что органы не располагали никакими компрометирующими меня материалами. На самом

же деле зна
кощему. Не
от тов. Д
(организац
опорных п
сировалас
и очерков
ратуры и
познакоми
Мерлем. У
напечата
скором от
том этого
лишь после
вопросу в с
альное раз
был тов. М
Явля
я постоянн
работника
Я немедлен
ее в извест
СССР» и пр
взаимотно
сообщила, ч
в журнале
сотрудника
них достат
данное врем
отправив во

1 Е.В. Л
2 Майск
восточная и исп

же деле знакомство мое с этим журналом сводилось к следующему. Незадолго перед своим отъездом в СССР я получила от тов. Ларина, секретаря Союза возвращения на Родину¹ (организация эта являлась одним из замаскированных опорных пунктов нашей контрразведки в Париже и финансировалась нами), предложение сделать несколько переводов и очерков по материалам советской прессы на темы литературы и искусства в журнале «Франция – СССР», и Ларин познакомил меня с редактором этого журнала Полем Мерлем. Указанную выше работу я выполнила, и она была напечатана в журнале. Поль Мерль, узнав от меня о моем скором отъезде в СССР, предложил мне быть корреспондентом этого журнала в Советском Союзе. Свое согласие я дала лишь после того, как Поль Мерль, обратившийся по этому вопросу в советское посольство в Париже, получил официальное разрешение от тогдашнего полпреда (кажется, это был тов. Майский²)...

Являясь членом семьи работника советской разведки, я постоянно поддерживала связь с органами НКВД через работника этих органов Степанову Зинаиду Семеновну. Я немедленно, тотчас же по приезде в Москву, поставила ее в известность о своей связи с журналом «Франция – СССР» и просила проинструктировать меня о дальнейших взаимоотношениях с ним. Она согласовала этот вопрос и сообщила, что руководство не рекомендует мне работать в журнале «Франция – СССР» и поддерживать связь с его сотрудниками, ввиду того что органы не располагают о них достаточными данными и не находят возможности в данное время заняться их проверкой. Таким образом, я, не отправив во Францию ни одной корреспонденции, связь эту

¹ Е.В. Ларин позже вернулся в СССР и был репрессирован.

² Майский В. (Ляховецкий И.М.) (1884–1975) – дипломат. В 1953 г. арестован и исключен из партии, в 1956-м реабилитирован.

по указанию органов порвала еще в начале 1937 г. и с тех пор ничего не знаю ни об этом журнале, ни о его сотрудниках.

Несмотря на мои неоднократные просьбы, следствие категорически отказалось допросить Степанову, которая могла подтвердить мою невиновность, и приложить ее показания к моему делу. Также и официальное разрешение нашего полпредства на мое сотрудничество в журнале «Франция – СССР», изъятое у меня при обыске и находящееся в материалах следствия, оказалось «утраченным» и к делу приложено не было.

Применяя указанные выше недозволенные методы следствия, следователи Кузьминов и другие выколотили из меня ложные показания против моего отца. Несмотря на все давление следствия, я тотчас же отказалась от этих показаний и требовала прокурора, а последний зафиксировал мой отказ только много времени спустя, т.е. тогда, когда показания эти сыграли свою роль при аресте моего отца...

В других заявлениях властям Ариадна дополняет:

На протяжении всех лет своей разведывательной работы отец пользовался доверием и уважением своего руководства, как за границей, так и в СССР. Но с приходом Берии в органы НКВД отношение к отцу и к приехавшим с ним товарищам резко изменилось. Все прежнее руководство было арестовано, а новое занялось раздуванием вражды, сплетен, склок среди этой небольшой, недавно сплоченной и дружной группы людей, натравливая их друг на друга, собирая у одних ложные, компрометирующие сведения о других и т.д.

Так, помню, т. Клепинин-Львов, живший вместе с нами в Болшеве, стал расспрашивать моего отца, не был ли тот дворянского происхождения, много ли у него было недоброжелателей.

жимо.
утвер
ни две
таким
мне, к
под сл
ными
он был
листо.
К
группо
хотя н
на свис
Т
армяни
с отцо.
твовал
вроде: «
ведке?»
замест
В
ному, на
моего ар
ложным
органы
было ну
ответ.
Я
именно
Я была с
чтобы, п
чтобы, д
данные,

жизни и имущества до революции, и старался добиться утвердительных ответов. Отец же, никогда не бывший ни дворянином, ни капиталистом, был удивлен и удручен таким «допросом». Этот небольшой случай припомнился мне, когда я, арестованная в августе 1939 года, находилась под следствием и меня, наряду с другими дикими и ложными вещами, заставляли сказать об отце один день – что он был дворянином, другой день – евреем, третий – капиталистом и пр.

Кто именно из бериевского руководства ведал этой группой людей, и в частности моим отцом, мне неизвестно, хотя некоторых из них я видела, провожая больного отца на свидание с ними.

Так, запомнился мне небольшого роста худощавый армянин или грузин средних лет, приходивший на свидание с отцом в гражданской одежде, но с оружием. Он присутствовал при моих первых допросах и задавал мне вопросы вроде: «А сколько человек ваш отец продал французской разведке?» Потом следователь сказал мне, что это – один из заместителей Берии...

В те годы мне, человеку тогда молодому и малоопытному, невозможно было разобраться в истинных причинах моего ареста и ареста отца. Я знала, что обвинения были ложными, была убеждена, что об этом не могли не знать органы НКВД, но не могла понять, кому и для чего все это было нужно. Только разоблачение Берии дало мне на это ответ.

Я упоминаю здесь о деле отца, потому что думаю, что именно оно являлось причиной и объяснением моего дела. Я была арестована без малейших серьезных данных, с тем чтобы, признав свою вину, скомпрометировать отца, с тем чтобы, дав против него под давлением следствия ложные данные, помочь Берии уничтожить целую группу советс-

кой разведки. Это также является доказательством того, что следственные органы не располагали фактическими материалами против моего отца, иначе они не нуждались бы в ложных показаниях.

Ариадна верно определила причину своего ареста – она была нужна НКВД лишь как орудие против ее отца. И теперь они могли отправиться в Болшево за следующей жертвой.

А что делалось тем временем на болшевской даче?

Осень. Там наступила осень. Отсверкало бабье лето. Позолотели, потускнели и осыпались листья с деревьев, с хмурого неба зачастил холодный, беспросветный дождь.

Прозрел ли теперь Сергей Эфрон, понял ли, в какую западню дал завести и себя, и собственную семью? Посмел ли взглянуть правде в лицо? Бог знает. Во всем он шел до конца, привык отвечать за свои действия и умел скрывать свои чувства. Но все немногие свидетели его жизни в Болшеве говорят о какой-то резкой перемене в нем. Замечали: то затравленный взгляд, то нервные срывы с рыданиями, то каменное оцепенение.

8 октября – день их рождения, и Марины и Сергея: ей – сорок семь, ему – сорок шесть. И возраст – осенний. Было не до праздников. Полтора месяца, каждый день в семье ждали чуда: вот распахнется калитка – и появится улыбающаяся Аля – и горе сгинет, как наваждение...

10 октября, рано утром, калитка распахнулась. Вежливые истуканы в форме, ордер с подписью Берии, кавардак обыска, какие-то формальные подписи, вещи первой необходимости в рюкзачок. На прощанье Марина осенила Сергея широким крестным знаменем.

В постановлении на арест фигурировали показания все того же Толстого, что он был завербован во французскую раз-

ведку ее резидентом – белоэмигрантом Эфроном, и, конечно же, быстро пущенное в ход «признание» Ариадны.

Обычная процедура на Лубянке – фотографирование, отпечатки пальцев, заполнение анкеты: «Эфрон Сергей Яковлевич, литератор, место службы – был на учете НКВД, беспартийный, русский».

В это же утро следователь – тот же Кузьминов, что вел дело Ариадны, – подверг арестованного изнурительному допросу. Эфрон подробнейшим образом изложил свою биографию. Не скрывал, что боролся против большевиков в годы революции и Гражданской войны, потом бежал с армией генерала Врангеля за границу. Оказался в Праге, перебрался с семьей в Париж и там вступил в группировку евразийцев.

– Каковы были программа и установки евразийцев? – спрашивает Кузьминов.

– Я вступил в левую группу евразийцев в 1927 году. Вначале это была попытка создания фашистско-русской идеологии, впоследствии организация стояла на позициях «советы без коммунистов». Та группа, к которой принадлежал я, в 1928–1929 годах совершенно разочаровалась в этих взглядах и стала на советскую платформу. При этом мы старались использовать евразийскую печать для советской пропаганды в эмиграции.

– Следствие вам не верит, – говорит Кузьминов. – Какие у вас отношения с дочерью?

– Дружеские, товарищеские...

– Что вам известно об антисоветской работе вашей дочери?

– Мне об этом ничего не известно.

– А какую антисоветскую работу проводила ваша жена?

– Никакой антисоветской работы моя жена не вела. Она всю жизнь писала стихи и прозу. В некоторых своих произведениях она высказывала взгляды несоветские.

– Не совсем это так, как вы изображаете. Мы знаем, например, что в Праге ваша жена активно участвовала в издаваемых эсерами газетах и журналах. Ведь это факт?

– Да, это факт. Она была эмигранткой и писала в эмигрантские газеты, но антисоветской деятельностью она не занималась.

– Непонятно. Белоэмигранты в своих изданиях излагали тактические установки борьбы против СССР. Что может быть общего с ними у человека, не разделяющего этих установок?

– Я не отрицаю того факта, что моя жена печаталась в белоэмигрантской прессе, однако никакой политической антисоветской работы она не вела.

Попытка замешать в дело Цветаеву не удалась.

– Следствие вам не верит. – Допрос прерывается.

На следующий день Эфрона переводят в Лефортово – тюрьму, которой следователи пугали неподдающихся арестованных и откуда те редко выходили живыми. Каждый день его водят на допросы (это фиксирует тюремная справка), но протоколов их в деле нет, что может значить только одно: выбить нужные показания следователи не могут. А состояние их подопечного уже плачевное.

Начальник санчасти Лефортовской тюрьмы военврач Яншин пишет заключение:

Арестованный Эфрон, 46 лет, высокого роста, правильного телосложения... страдает частыми приступами грудной жабы, хроническим миокардитом, в резкой форме неврастенией, а поэтому работать с ним следственным органам можно при следующих обстоятельствах: 1) дневное занятие и непродолжительное время, не более 2–3 часов в сутки; 2) в спокойной обстановке; 3) при повседневном врачебном наблюдении; 4) с хорошей вентиляцией в кабинете.

24 октября Эфрона помещают в психиатрическое отделение Бутырской тюрьмы. И оттуда, прямо с больничной койки, снова тащат на допрос к Кузьминову. Предъявив обвинение, следователь получает прежний ответ:

– Я не виновен. Ни с какой разведкой иностранного государства связан не был.

Допрос прерывается привычной фразой:

– Вы говорите неправду, следствие вам не верит...

Холодные и темные осенние ночи слились в одну бесконечную ночь. Цветаева с сыном Муром оказались без средств, в неизвестности – как, чем жить? Днем собирают хворост для печи – дров нет. Ночью она не спит, прислушивается, вздрагивает: теперь придут за ней. Что тогда будет с Муром? Надвигается зима. Весь их багаж – все теплые вещи, отправленные из Парижа, – застрял на таможне, а получить не удастся. Как пережить зиму без самого необходимого, кто поможет?

Багаж – это не просто вещи, там ее рабочие тетради, книги, прерванный труд – ее внутренний дом, последнее убежище.

Тогда она и пишет свое первое письмо на Лубянку.

В Следственную часть НКВД

При отъезде из заграницы в Союз я отправила свой багаж по адресу дочери, так как не могла тогда точно знать, где поселюсь по возвращении в Москву.

По прибытии сюда я в течение двух месяцев еще ни имела паспорта и поэтому не могла получить багажа, пришедшего в начале августа с.г.

В соответствии с указанием таможни я получила от моей дочери, Ариадны Сергеевны Эфрон, доверенность

Т. Шадрин

В Следственную часть НКВД

При отъезде из зарамки в Союз я отдала свое барабу по адресу дочери, так как не могла тогда точно узнать где она находится в Москве.

Но приехав в Союз я выяснила в тех местах еще не была в аэропорт в Москву и мне посылать барабу, которую я в Москве отдала с.с.

В соответствии с указаниями таможен я получила от моей дочери, Ариадны Сергеевны Эфрон, Валерьяновны на прикладные для барабу. Но почитав ее я тогда еще не могла из-за отсутствия у меня сведений с той, которая была, которую я и не могла, так как я, с своим 14 лет, была студенткой парковой во Демьян фора.

Было известно что в соответствии с хованщицкой о являю или необходима по документам. В это же время я была в тюрьме, без арестована моя дочь, а барабу я получила, подтверждаю, заверяю на таможене.

Я фактически, как будто знаю, как у меня и у сына есть тепло одежд, одежд и одежд, и тогда-то кто-то возможно приедет таковы заков.

Касательно хованщицкой, в связи с тем что *Касательно хованщицкой*

своем письме вы мне прикладываете барабу, о расписании на получение или из нее самих документов или о сути самих вещей, без которых я не могу, как вы говорите.

О вашем решении по этому поводу о чем прошу поставили или в известности

Мария Цветаева

Со. Толмачев Селезнев ф.с.
После Новой Биты
Дата 4/33
Мария Ивановна Цветаева

31 октября 1939 г.

Заявление М.И. Цветаевой в следственную часть НКВД
31 октября 1939 года

нача
кто
не до
неясн
займ
Ведь
его со

на принадлежащий мне багаж. Но получить его я тоже еще не могла из-за отсутствия у меня свидетельства с пограничного пункта, которого у меня не имелось, так как я, с сыном 14 лет, ехала специальным пароходом до Ленинграда.

Было возбуждено соответствующее ходатайство о выдаче мне необходимого документа. В это же время, в конце августа, была арестована моя дочь, и багаж оказался, по-видимому, задержанным на таможне.

Я живу за городом, наступает зима, ни у меня, ни у сына нет теплой одежды, одеял и обуви, и пока что нет возможности приобрести таковые заново.

Настоящим ходатайствую, в случае если невозможно сейчас получить всего мне принадлежащего багажа, о разрешении на получение мною из него самых необходимых мне и сыну зимних вещей, без которых я не вижу, как мы перезимуем.

О Вашем решении по этому вопросу очень прошу поставить меня в известность.

Марина Цветаева

Ст. Болшево Северной ж.д. Поселок Новый Быт
дача 4/33

Марина Ивановна Цветаева

31 октября 1939 г.

Когда письмо попало в НКВД, его передали помощнику начальника следчасти старшему лейтенанту Шкурину – тому, кто руководил следствием по делу Сергея и Ариадны. Ему не до цветаевского багажа: идут непрерывные допросы, и неясно еще, понадобятся ли этой женщине теплые вещи – не займет ли она вскоре камеру по соседству с мужем и дочерью. Ведь Павел Толстой дал повод арестовать и ее, Марину. Вот его собственноручные показания:

Эфрон (Ариадну. – В.Ш.) я знаю еще по Парижу. Когда я уезжал в 1933 г., Эфрон была еще почти девочкой, ей было тогда только около 16–17 лет, но она уже ярко выражала свои антисоветские настроения, вместе с матерью (женой Сергея Эфрона, довольно известной поэтессой Мариной Цветаевой). Марина в настоящий момент находится в Париже, по паспорту эмигрантки, и убеждений самых мажорных монархических. Пусть это не покажется странным, но ни Эфрону, с его троцкистской, ни Марине, с ее монархической идеологией, не мешают как будто исключаящие взаимно друг друга точки зрения: они прекрасно уживаются друг с другом, так как они оба, в конечном счете, стремятся к одному – возврату к прошлому. Но в 1937 г. мне это еще не совсем было ясно, и поэтому, когда я узнал, что в СССР в скором времени приезжает Аля Эфрон, я был несколько озадачен, т.к. хорошо знал Алины и Маринины взгляды, бывая часто у Эфронов.

Если я не ошибаюсь, в ноябре–декабре прошлого года, встретившись со мной, Аля рассказала мне в первый раз о том, что она разошлась в убеждениях со своей матерью и стала бывать среди знакомых ее отца, но в то же время и не отказывалась видеться с друзьями своей матери, в частности, с известным белогвардейским писателем Иваном Буниным.

К [...] Эфрона Марина Ивановна относилась отрицательно (вычеркнутые в этой фразе слова, вероятно, касались его просоветских взглядов или службы в НКВД. – В.Ш.). Она пользовалась известностью как поэтесса. Мне известно также, что она сохранила дружбу с советскими писателями Борисом Пастернаком и Михаилом Булгаковым. Последнему Марина Цветаева послала в подарок мундштук из слоновой кости в память «Дней Турбиных».

Чт
как у п
полный
выступ
Цветае
С друго
писыва
хорошо
зией, з
разных
шения
также
цем Д.

А
событи
черная
топот
Андре
Москв
брака
И
тив ли
в Моск
С
звучал
вистн
назыв

После
В 1937-
лагере
во фраз

Что касается ее политических убеждений, то у нее как у поэта, особенно у женского поэта, был, по-видимому, полный хаос в голове. Я помню, что в «Правде» Д. Бедный выступил со стихами, в которых осмеивал поэтессу Цветаеву, которая пишет поэму о расстреле Николая II. С другой стороны, она, кроме Пастернака и Булгакова, переписывалась с А.М. Горьким, о котором отзывалась очень хорошо... Ее положение как поэтессы, которая живет поэзией, заставляло ее печатать ее произведения в разнообразных белоэмигрантских изданиях и поддерживать отношения с целым рядом лиц из среды белоэмигрантов. Она также, как мне известно, была дружна с бывшим евразийцем Д. Святополк-Мирским¹, литературным критиком...

А в Болшеве, пока Цветаева ждет ответа на письмо, события идут своим ходом. В красный праздник Октября черная машина опять останавливается у калитки – снова топот ног, стук в дверь, обыск – на этот раз увозят Николая Андреевича Клепинина. В тот же день были арестованы в Москве его жена Антонина Николаевна и ее сын от первого брака Алексей Сеземан².

И Марина не выдерживает: спешно собравшись и захватив лишь то, что можно унести с собой, бежит вместе с сыном в Москву, скитаться по людям. Вон из этого проклятого места!

Станция Болшево, поселок Новый Быт... Даже название звучало издевательски для ее слуха! Слово «быт» было ненавистным, а Болшево аукалось с большевиками, которых она называла врагами русского языка. Жизнь поэта – сплошная

¹ Святополк-Мирский Д.П. (1890–1939) – критик и литературовед. После революции – в эмиграции. В 1932 г. вернулся в Советский Союз. В 1937-м арестован, умер в лагере на Колыме.

² Сеземан А.В. (1916–1989) – переводчик. Отбывал заключение в лагере в КОМИ АССР, освобожден весной 1943 г. Жил в Москве, работал во французской редакции Всесоюзного радио.

метафора. Весной Цветаева заедет сюда за вещами и увидит: дом захвачен какими-то незаконными жильцами, вещи разворованы – и гроб стоит: повесился – в ее комнате! – начальник местной милиции. И снова кинется прочь!

А багаж из Парижа Цветаева получит, но только летом следующего года.

Převzato z: ŠENTALINSKIJ, Vitalij (2011). *Donos na Sokrata: dokumentalnyje povesti*. Moskva: „ProgressPlejada“, 622 s.